
А. РАВЕН
Реставрация любви

А. Равен
«Реставрация любви»

https://litres.ru/74736084
SelfPub; 2026

Аннотация

Она реставрирует старую мебель и не верит мужчинам. Он реставрирует исторические дома и не верит в любовь. Их заперли в одной усадьбе на три месяца — и это только начало.

Ева Марченко — дерзкий реставратор с разбитым сердцем и шуруповёртом в рюкзаке. Артём Соколов — педантичный архитектор, который считает её работу варварством, а чувства — нарушением регламента. Она зовёт его «человек-инструкция». Он зовёт её «невозможной». Оба правы.

Но в старом столе Ева находит письма XIX века: трагическую любовь дворянки Анны и архитектора Дмитрия. Дмитрий — прапрадед Артёма. Он исчез при загадочных обстоятельствах, а Анна всю жизнь хранила его письма. Разгадка тайны сближает Еву и Артёма сильнее, чем грозы без электричества.

Проблема в том, что Артём боится потерять ещё одного человека. А Ева боится снова поверить. И обоим придётся решить: починить себя — или навсегда повесить табличку «Реставрации не подлежит».

«Вещи не предают. Люди — да. Но иногда стоит рискнуть».

Содержание

АКТ I. «Вражда» Глава 1. Человек-инструкция 4
Глава 2. Правила и исключения 9
Глава 3. Ночь в усадьбе 17
Глава 4. Стол с секретом 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

А. Равен
«Реставрация любви»

АКТ I. «Вражда» Глава 1. Человек-инструкция

Есть три вещи, которые я ненавижу больше всего: мужчины, которые считают, что женщина с шуруповёртом — это угроза общественной безопасности; кофе из автомата, который отдаёт пластмассой; и слово «регламент».

И вот сейчас, стоя на гравийной дорожке перед усадьбой «Лунное», я понимала, что все три напасти сойдутся в одном месте. Потому что из-за угла дома вышел он — мужчина в сером костюме, с планшетом в руках и лицом человека, который только что узнал, что его любимый паб закрылся навсегда.

— Ева Марченко? — спросил он тоном, которым обычно сообщают о смертельных болезнях.

— А вы, должно быть, тот самый человек, который испортил мне настроение ещё до того, как я вошла в дом, — улыбнулась я. — Артём Соколов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — он сверился с планшетом. — Ваш автобус прибыл на двадцать минут позже. Это уже говорит

о вашей пунктуальности.

Я поправила лямку рюкзака, в котором лежали мои самые ценные инструменты — шпатели, кисти, шлифовальная машинка и любимая кружка с надписью «Реставратор — это звучит гордо, но платят мало». За спиной у меня был двадцатикилограммовый груз, в душе — развод, в голове — мечта, а передо мной — человек-инструкция.

— А ваше приветствие говорит о вашем чувстве юмора, — парировала я. — Его, похоже, нет.

Он моргнул. Один раз. Медленно. Как робот, у которого зависла программа «вежливость».

— Я здесь, чтобы курировать реставрацию. Фонд выделил грант, и я отвечаю за то, чтобы всё было сделано по протоколу. — Он сделал ударение на «протоколе», будто это было имя божества. — У вас есть разрешение на работу с историческими материалами?

— У меня есть разрешение на работу с деревом, камнем, лаком и людьми, которые считают себя богами, — я подняла рюкзак. — А ещё у меня есть шпатель, который я могу использовать не по назначению, если кто-то будет мне мешать.

Впервые за всё время на его лице что-то дрогнуло. Кажется, это было удивление. Или несварение. Сложно сказать.

— Следуйте за мной, — сухо сказал он и повернулся.

Я пошла следом, бормоча себе под нос: «Человек-инструкция. Интересно, у него в голове тоже есть кнопка перезагрузка?»

Дом внутри был ещё хуже, чем снаружи. Пыль, паутина, мебель под белыми чехлами, запах старой бумаги и мышей. Но моё сердце застучало быстрее. Я видела не разруху — я видела возможность. Каждый скол на дереве, каждая потёртость на паркете — это история. И я умела эти истории возвращать.

— Ваша комната на втором этаже, — Артём остановился у лестницы. — Моя — напротив. В целях безопасности и контроля.

— Контроля? — я изогнула бровь. — Вы серьёзно?

— В доме нет видеонаблюдения. Я должен быть уверен, что вы не вынесете что-нибудь ценное.

Я рассмеялась. Искренне.

— Артём, вы видите перед собой женщину, которая тащит на себе двадцать килограммов инструментов. Если я что-то и вынесу, то только ваши нервы.

Он ничего не ответил. Просто развернулся и пошёл вниз, а я осталась стоять на лестнице, глядя ему вслед и думая: «Господи, дай мне терпения. Или хотя бы ещё одну кружку кофе».

Первые два часа я провела, исследуя свою комнату и пытаясь понять, где здесь розетка. Розетки не было. Зато был старинный камин, резной шкаф и кровать с балдахином, которая, казалось, помнила ещё Пушкина.

Я разложила инструменты на полу — так мне было спокойнее. Каждый шпатель, каждая кисточка — это часть ме-

ня. Я погладила деревянную рукоятку старого рубанка, который достался мне от деда. «Ну что, старик, — прошептала я. — Посмотрим, что здесь можно спасти».

В этот момент дверь открылась без стука.

— Ужин через час, — объявил Артём. — И ещё: я нашёл в гостиной старый письменный стол. На нём есть ящички. Судя по каталогу, они могут содержать исторические документы. Прошу вас не трогать их до моего осмотра.

— А что, если я просто хочу посмотреть? Я же реставратор. Я умею обращаться с деревом.

— Вы умеете обращаться с деревом. А я умею обращаться с историей. Это разные вещи.

Я выдохнула. Медленно. Как учил мой психолог после развода.

— Артём, скажите честно. Вы всегда такой... деревянный? Или это только со мной?

Он замер. И вдруг — я готова была поклясться — уголок его рта дёрнулся. На одну миллисекунду. Но это было.

— Я просто не люблю, когда нарушают правила, — сказал он тише.

— А я не люблю, когда правила нарушают людей, — ответила я. — Мы поладим.

Он ушёл. А я села на кровать и уставилась в окно, за которым темнело небо.

«Ева, — сказала я себе. — Ты только что флиртовала с человеком-инструкцией. Или это была агрессия? Уже не пом-

ню. Но что-то мне подсказывает, что эти три месяца будут очень долгими».

Я не знала тогда, насколько права.

Глава 2. Правила и исключения

Утро началось с того, что я обнаружила в своей комнате мышь.

Не то чтобы я боялась мышей. Я выросла в частном доме, где мыши были такой же частью интерьера, как скрипучие половицы и вечно протекающий кран на кухне. Но эта мышь сидела на моём рюкзаке и смотрела на меня с таким видом, будто это я вторглась на её территорию.

— Доброе утро, — сказала я. — Ты, случайно, не знаешь, где здесь розетка?

Мышь не ответила. Только пискнула и убежала под шкаф.

— Понятно. Молчаливая поддержка. Уважаю.

Я натянула джинсы, свою любимую футболку с надписью «Я не спорю, я объясняю» и отправилась на поиски кофе. В усадьбе пахло пылью, старым деревом и — о чудо! — чем-то съестным. Я спустилась на первый этаж и обнаружила Ольгу Петровну, смотрительницу, которая колдовала над плитой.

— Доброе утро, милая, — улыбнулась она. — Ты, должно быть, Ева. Артём Викторович сказал, что ты приехала.

— Артём Викторович? — я усмехнулась. — Он что, требует обращаться к нему по имени-отчеству?

— Ой, нет, — Ольга Петровна махнула рукой. — Это я так, из вредности. Он у нас серьёзный очень. Всё по бумажкам, всё по правилам. А ты, я смотрю, другая.

— Другая, — согласилась я. — И очень хочу кофе.

Ольга Петровна налила мне кружку — не автоматную, а настоящую, сваренную в турке — и пододвинула тарелку с сырниками. Я чуть не прослезилась.

— Спасибо. Вы мой спаситель.

— Ой, не говори так, — она понизила голос. — А то Артём Викторович услышит, скажет, что я нарушаю регламент питания.

Мы обе прыснули. В этот момент в кухню вошёл предмет нашего обсуждения — в том же сером костюме, с тем же планшетом, с тем же выражением лица.

— Доброе утро, — сказал он. — Ева, через пятнадцать минут жду вас в гостиной. Нужно провести инструктаж.

— Инструктаж? — я откусила сырник. — Мне?

— Вам. По технике безопасности и правилам поведения на объекте.

Я посмотрела на Ольгу Петровну. Ольга Петровна посмотрела на меня. Мы обе одновременно подумали одно и то же, но вслух ничего не сказали.

— Хорошо, — вздохнула я. — Только кофе допью.

— Пятнадцать минут, — повторил он и вышел.

— Вот всегда он так, — прошептала Ольга Петровна. — Как робот.

— Ага, — кивнула я. — Человек-инструкция.

Ровно через пятнадцать минут я сидела в гостиной на продавленном кресле и слушала, как Артём зачитывает мне пра-

вила.

— Пункт первый: нахождение на объекте без защитной маски и перчаток запрещено. Пункт второй: все инструменты должны храниться в специально отведённом месте. Пункт третий: при обнаружении исторических артефактов необходимо немедленно сообщить куратору...

— То есть вам, — вставила я.

— Мне, — он даже не поднял глаз. — Пункт четвёртый: запрещается самовольное вскрытие мебели, шкафов, ящиков и прочих ёмкостей, которые могут содержать исторические документы.

— А если я случайно открою ящик? Ну, чихну, и он откроется?

— Тогда вы будете обязаны немедленно его закрыть и позвать меня.

— А если я чихну два раза?

Он поднял на меня глаза. В них читалась такая усталость, будто он уже прожил со мной целую жизнь.

— Ева. Я понимаю, что для вас это, возможно, кажется смешным. Но здесь не просто дом. Это объект культурного наследия. Всё, что находится внутри, — это история. И я не позволю её испортить.

Я вздохнула. Медленно. Как учил психолог.

— Артём. Я реставратор. Я не испорчу. Я восстановлю.

— Посмотрим, — сказал он и закрыл планшет. — Инструктаж окончен. Можете приступать. Начните с кресел в

этой комнате. И не трогайте стол.

— Какой стол? — я сделала невинное лицо.

Он посмотрел на меня так, будто я только что назвала его маму дворовой собакой.

— Вон тот, — он указал на массивный письменный стол в углу гостиной, покрытый резьбой и слоем пыли толщиной в палец. — Вот этот. Не трогать.

— Поняла. Не трогать.

Он ушёл. А я осталась сидеть в кресле, глядя на стол и думая: «Ну конечно, я его не трону. Только посмотрю. Одним глазком».

Два часа я честно работала с креслами. Они были в ужасном состоянии: обивка порвана, дерево поцарапано, ножки шатались. Но это была моя стихия. Я включила музыку в наушниках — старый джаз, под который работала ещё моя бабушка, — и погрузилась в процесс. Шлифовка, пропитка, замена пружин. В такие моменты я забывала обо всём.

Почти обо всём.

Потому что стол в углу продолжал на меня смотреть. Он был как тот самый запретный плод. И я, как любая нормальная женщина, которая слышала слово «нельзя», немедленно захотела его нарушить.

— Ну ладно, — сказала я себе, отложив шлифовальную машинку. — Я просто посмотрю. Не буду открывать. Просто посмотрю.

Я подошла к столу. Он был красивый. Массивный, из тём-

ного ореха, с резными ножками и ящичками, которые так и просили, чтобы их открыли. На крышке лежала пыль, но под пылью я разглядела тонкую инкрустацию — узор из разных пород дерева.

— Ты красавец, — прошептала я. — Тебя лет сто никто не любил.

Я провела рукой по крышке и вдруг заметила, что один из ящичков был приоткрыт. Совсем чуть-чуть. Наверное, от сквозняка. Или от времени.

«Это не я, — подумала я. — Это он сам. Я только посмотрю, что там, и закрою обратно».

Я потянула за ручку. Ящик открылся с тихим скрипом, и я увидела внутри стопку пожелтевших бумаг, перевязанных лентой. А сверху лежала фотография — старая, чёрно-белая, с потрескавшимися краями. На ней была женщина в платье с высоким воротом, с длинными волосами, убранными в пучок. Она смотрела в камеру с той особенной улыбкой, которая бывает только у людей, которые точно знают, кого они любят.

Я взяла фотографию. На обратной стороне была надпись, сделанная выцветшими чернилами: «Анне. Навсегда твой. 1897».

— Ничего себе, — прошептала я. — Анна. Кто ты?

— Что вы делаете?

Я подпрыгнула. Артём стоял в дверях с таким лицом, будто застал меня за убийством.

— Я... — я попыталась спрятать фотографию за спину, но было поздно.

— Я же сказал: не трогать стол.

— Я не трогала! Он сам открылся!

— Ящики сами не открываются.

— Этот открылся! Я просто посмотрела!

Он подошёл быстрым шагом. Я думала, он сейчас закричит. Но он просто стоял и смотрел на фотографию в моей руке. И вдруг его лицо изменилось. Не сильно. Но я заметила.

— Где вы это взяли? — спросил он тише.

— В ящике. Там ещё бумаги. Письма, кажется.

Он протянул руку.

— Дайте сюда.

— Артём, это же находка. Это же история. Вы понимаете, что...

— Я понимаю, — перебил он. — Дайте сюда.

Я отдала. Он посмотрел на фотографию, прочитал надпись, и его челюсти сжались.

— Это Анна Львовна, — сказал он наконец. — Дочь последнего владельца усадьбы. Она жила здесь в конце девятнадцатого века.

— А кто такой «навсегда твой»? У неё был возлюбленный?

— Я не знаю, — отрезал он. — И вам не следует это выяснять. Это личное. Семейное.

— Семейное? — я нахмурилась. — Но это же история.

Какая разница, чья она?

— Разница есть, — он положил фотографию обратно в ящик и закрыл его. — И я прошу вас больше не открывать этот стол. Если вы найдёте что-то ещё, зовите меня. Понятно?

— Понятно, — сказала я. — Но я всё равно не понимаю.

— Я знаю, — он вздохнул. — Вы вообще мало что понимаете.

Он ушёл. А я осталась стоять посреди гостиной, глядя на закрытый ящик, и думала: «Что ты скрываешь, человек-инструкция?»

Вечером я сидела на подоконнике в своей комнате и писала в блокноте.

«Объект: человек-инструкция. Особые приметы: планшет, ледяной взгляд, отсутствие чувства юмора. Способ обезвреживания: неизвестен. Дополнительно: знает больше, чем говорит. Зачем-то скрывает историю дома. Вопрос: почему?»

Я закрыла блокнот и посмотрела в окно. За стеклом темнел сад, и в свете луны я видела, как кто-то ходит по дорожке. Артём. Он брёл один, засунув руки в карманы, и смотрел под ноги. В этот момент он не был похож на человека-инструкцию. Он был похож на человека, которому очень одиноко.

«Ладно, — подумала я. — Может, у тебя и есть сердце. Но я всё равно выясню, что ты скрываешь».

Я и не подозревала, что выясню гораздо больше. И что это

«больше» изменит всё.

Глава 3. Ночь в усадьбе

Я не верю в привидений. Но в три часа ночи в старом доме, где скрипит каждая половица, где балдахин над кроватью подозрительно напоминает крышку гроба, а за окном ветер воет так, будто ему тоже одиноко, — начинаешь пересматривать свои убеждения.

Сон не шёл. В голове крутилась фотография Анны. Надпись «Навсегда твой». Лицо Артёма, когда он её увидел. Не злость. Не раздражение. Что-то другое. Что-то, от чего у меня заныло под рёбрами.

Я натянула толстовку, сунула ноги в тапочки и вышла в коридор. Мне нужен был чай. Или валерьянка. Или мужчина, который объяснит, почему он такой.

Кухня светилась в темноте, как маяк. Я толкнула дверь и замерла.

Артём сидел спиной ко мне. Не в сером костюме. В простой футболке, серой, выцветшей, с потёртым воротом. Волосы взъерошены, будто он сто раз провёл по ним рукой. Перед ним — кружка, в которой давно остыл чай. Он не пил. Он просто смотрел в стену.

И в этот момент я поняла: человек-инструкция не спит по ночам. Человек-инструкция тоже иногда сидит на кухне в три часа и смотрит в стену, потому что внутри у него что-то сломано.

— Вы тоже не спите, — сказала я.

Он обернулся. Не вздрогнул. Не натянул маску. Просто посмотрел — устало, без брони.

— Бывает.

— А я думала, у вас всё по расписанию. С десяти до шести. Согласно регламенту.

Уголок его рта дёрнулся. Я начинала коллекционировать эти микрожесты, как редкие монеты.

— Садитесь, — он кивнул на стул. — Чай есть. Зелёный. Без сахара.

— Зелёный без сахара? — я поморщилась. — Вы что, издеваетесь?

— Забочусь о вашем здоровье.

— Моё здоровье рухнет без кофеина и сахара. У вас есть что-нибудь более... живое?

Он молча встал, открыл шкафчик и достал коробку «Ахмата». Обычный чёрный чай в пакетиках. Я посмотрела на него как на человека, который только что спас мир.

— Вы только что спасли мою ночь.

— Не преувеличивайте.

Я заварила чай, села напротив. Кружка обожгла ладони — приятно, по-настоящему. За окном дождь стучал по стеклу, как запоздалый гость. Где-то наверху скрипнула половица. Мышь. Или призрак графини. Я уже не разбиралась.

— Можно вопрос? — сказала я.

— У вас есть выбор?

— Нет. — Я отхлебнула чай. — Почему реставрация? Почему не что-то... живое? Люди? События? Ну, не знаю. Спасать детей. Или собак.

Он посмотрел на меня внимательно. Я ждала отшутится. Отмахнётся. Но он ответил.

— Потому что старые дома честнее людей.

Я подняла бровь.

— Это как?

— Дом не притворяется, — он обвёл рукой кухню. — Видите трещину на потолке? Она не говорит, что всё в порядке. Видите сгнившее окно? Оно не улыбается и не врёт, что ему хорошо. Всё честно. Всё видно. Его можно понять. Починить. Предсказать. А люди... — он замолчал.

— А люди — нет, — закончила я.

— Люди — нет.

Он отпил чай. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, тонкие запястья, на левой руке нет обручального кольца, но есть светлая полоска, будто кольцо носили долго и сняли недавно. Или не снимали, но оно само исчезло.

— А вы? — спросил он. — Почему реставрация?

Я могла отшутиться. Сказать что-то про любовь к старью и нежелание работать в офисе. Но в его взгляде было что-то, от чего врать не хотелось.

— Потому что вещи не предают, — сказала я.

Он ждал. Не перебивал.

— Они могут сломаться. Порваться. Сгнить. Но они не

уходят. Не говорят, что ты недостаточно хороша. Не выбирают кого-то другого. Не обещают, что вернутся, и не исчезают на три месяца. Они просто... ждут. Пока ты вернёшься и починишь их.

Я замолчала. В горле стоял комок, который я не заказывала. Артём ничего не сказал. Но его рука, лежавшая на столе, чуть дрогнула. Он быстро убрал её, спрятал под стол, но я успела заметить.

— Это... — он кашлянул. — Это необычный подход к профессии.

— Это не подход. Это причина.

Тишина. Другая. Не пустая. Наполненная чем-то, что я не могла назвать. Дождь за окном стих. Даже мышь наверху, кажется, затаилась.

— Я потерял человека, — сказал он вдруг. Тихо. Почти шёпотом. — Пять лет назад. Она погибла. Я был за рулём.

Кружка в моих руках стала тяжёлой. Я поставила её на стол. Медленно.

— Артём...

— Не надо, — он поднял руку. — Я не прошу сочувствия. Я просто хочу, чтобы вы понимали. Я не такой, каким кажусь.

— А какой вы?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Без брони. Без маски.

— Сломанный. Как один из этих домов. Треснувший. И я не уверен, что меня можно починить.

Я хотела сказать что-то. Что-то важное. Что-то, что могло бы его утешить. Но вместо этого сказала:

— А вы пробовали?

— Что?

— Починить себя. Или вы просто закрыли дверь и повесили табличку «Реставрации не подлежит»?

Он смотрел на меня так, будто я ударила его. А потом — впервые за всё время — он улыбнулся. По-настоящему. Уголки губ поднялись, в глазах что-то блеснуло. Не смех. Что-то глубже.

— Вы невозможная, — сказал он.

— Я знаю. — Я подняла кружку. — За невозможных.

Он чокнулся со мной. Мы пили чай в тишине, и дождь снова застучал по стеклу, и где-то наверху мышь, наверное, доедала мой рюкзак.

Я смотрела на него — на этого человека-инструкцию, который сидел напротив в растянутой футболке, с взъерошенными волосами и глазами, в которых плескалась такая усталость, что мне захотелось обнять его. Просто обнять. Без слов.

И в этот момент я поняла: человек-инструкция — это не маска. Это броня. А под ней — кто-то очень уставший. И очень одинокий. И этот кто-то смотрел на меня так, будто я была первым человеком за пять лет, который сказал ему что-то, кроме «здравствуйте, согласно регламенту».

«Ладно, — подумала я. — Может, тебя и правда нельзя

починить. Но я, чёрт возьми, попробую».

Я не знала тогда, что он подумал то же самое обо мне.

И я не знала, что через два дня найду в том самом столе письмо, которое перевернёт всё. Не только историю дома. Но и нас.

Глава 4. Стол с секретом

Утром Артём объявил, что уезжает в город.

— По делам фонда, — сказал он, застёгивая пиджак. — Вернусь к вечеру. Надеюсь, без сюрпризов.

— Обижаете, — я приложила руку к груди. — Я сама ответственность.

— Именно поэтому я и волнуюсь.

Он ушёл. Я проводила его взглядом из окна — серая фигура, шагающая по гравийной дорожке к машине. Ровный шаг. Прямая спина. Человек-инструкция в своей естественной среде обитания.

А потом я осталась одна. С домом. С креслами. И со столом, который смотрел на меня из угла гостиной, как брошенный щенок.

Я честно работала два часа. Правда. Отреставрировала одну ножку кресла, заменила пружину, даже нашла в кладовке подходящую ткань для обивки. Но стол не отпускал. Я чувствовала его взгляд спиной. Он знал, что я знаю, что там что-то есть.

«Не трогать», — сказал Артём.

Но он также сказал: «Если найдёте что-то ещё, зовите меня». А как я могу позвать, если не знаю, что там? Логично? Логично.

Я подошла к столу. Провела рукой по крышке. Пыль. Ин-

крустация. Резные ножки. И ящичек, который вчера был приоткрыт, а сегодня — плотно закрыт. Кто его закрыл? Артём. Конечно, Артём. Он вернулся ночью и закрыл его. Или дождался, пока я усну, и проверил, не трогала ли я что-нибудь ещё.

«Прости, человек-инструкция, — подумала я. — Но я реставратор. Я не могу оставить историю гнить в ящике».

Я потянула за ручку. Ящик открылся с тихим скрипом — тем самым звуком, который бывает в старых домах, когда дерево вспоминает, что оно живое. Внутри лежала стопка писем, перевязанная шёлковой лентой, выцветшей до цвета старой кости. И фотография Анны — та самая, которую я уже видела. Я взяла письма. Лента рассыпалась в пальцах.

Верхнее письмо было сложено вчетверо. Бумага пожелтела, чернила выцвели, но буквы ещё читались. Я развернула его осторожно, как хирург — скальпелем.

«Милая Анна,

Я знаю, что не должен писать вам. Ваш отец ясно дал понять, что моё присутствие в вашем доме — это оскорбление для его рода. Но я не могу молчать. Я архитектор, я привык говорить языком чертежей и цифр. Но с тех пор, как я увидел вас в саду — в тот вечер, когда вы читали книгу под липой, — мой язык стал мне непослушен.

Я построил этот дом. Я знаю каждую его трещину, каждую балку, каждый гвоздь. Но я не знал, что в нём будет жить человек, который станет для меня важнее любого проекта.

Ваш отец говорит, что я — никто. Что я не имею права даже смотреть на вас. Но я смотрю. И буду смотреть, пока вы позволяете.

Если вы никогда не ответите на это письмо, я пойму. Но если ответите — я буду ждать вас в беседке у пруда. Каждый вечер. В семь.

Навсегда ваш,Д.

P.S. Я знаю, что вы боитесь. Я тоже. Но страх — это не повод не любить».

Я дочитала и обнаружила, что не дышу. Выдохнула. Медленно. Как учил психолог.

— Вот это да, — прошептала я. — Вот это история.

Я взяла следующее письмо. Потом ещё одно. Они были перемешаны — не по порядку. Но из них складывалась картина. Анна Львовна, дочь владельца усадьбы, дворянка. И Д. — архитектор, построивший этот дом. Он был простолюдином. Её отец был против. Они встречались тайно. В беседке у пруда. В семь вечера.

Я читала, как они планировали побег. Как Анна писала о том, что готова отказаться от титула, от наследства, от семьи — ради него. Как Д. обещал, что построит ей дом, в котором она будет счастлива. Как они мечтали о детях, о саде, о жизни, в которой никто не будет указывать, кого им любить.

А потом письма оборвались. Последнее было коротким. Всего три строчки. Почерк Анны — торопливый, смазанный, будто она писала в спешке.

«Он узнал. Отец узнал. Он говорит, что убьёт его, если я не прекращу. Я не знаю, что делать. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Прости меня».

И всё. Ни подписи. Ни даты. Просто три строчки, от которых у меня защемило сердце.

— Что же вы натворили, Анна Львовна? — прошептала я. — И что сделал твой отец?

Я сидела на полу гостиной, вокруг меня — письма, в руках — фотография. И в этот момент я услышала шаги.

Артём стоял в дверях. Я не слышала, как подъехала машина. Не слышала, как открылась дверь. Но он был здесь. И он смотрел на меня так, будто я только что сожгла дом.

— Я же сказал, — тихо произнёс он. Голос был ровным. Слишком ровным. — Не трогать.

Я вскочила. Письма рассыпались по полу.

— Артём, послушай...

— Я сказал: не трогать.

— Я нашла письма! Это же история! Это же... это же любовь, которая...

— Это не твоё дело.

Он подошёл. Быстро. Я думала, он закричит. Но он просто наклонился, собрал письма — аккуратно, одно за другим — и сложил их обратно в ящик. Его руки дрожали. Я видела.

— Артём. — Я говорила тихо, как с раненым зверем. — Кто такой Д.?

Он замер. Спиной ко мне. Плечи напряглись.

— Не знаю.

— Ты знаешь. Ты знаешь больше, чем говоришь. Ты знал об этих письмах. Ты знал, что они здесь.

Он обернулся. И в его глазах было что-то, от чего мне стало страшно. Не злость. Страх.

— Ева, — сказал он. — Пожалуйста. Не лезь в это.

— Почему?

— Потому что это не просто письма. Это... — он замолчал. Сжал челюсти. — Это моя семья.

Я замерла.

— Что?

— Анна Львовна — моя прапрабабушка. — Он выдохнул. Медленно. — А Д. — архитектор Дмитрий Соколов. Мой прапрадед. Они так и не поженились. Он исчез. Она вышла замуж за другого. Родила дочь. Мою прабабушку. И всю жизнь хранила эти письма в столе.

Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова.

— Поэтому ты здесь, — прошептала я. — Ты не просто куратор. Ты приехал сюда, чтобы найти...

— Чтобы найти правду, — перебил он. — Да. Я знал, что в усадьбе есть письма. Знал, что они могут быть здесь. Но я не знал, что они... такие. — Он кивнул на ящик. — Я не знал, что он любил её так.

Он сел на кресло. Тяжело. Как человек, который держал что-то в себе слишком долго.

— Мой дед рассказывал, что Анна Львовна была холод-

ной. Закрытой. Никогда не говорила о прошлом. Семья считала, что она просто... смирилась. Вышла замуж по расчёту. Жила как все. — Он посмотрел на меня. — А она, оказывается, писала ему. Любила его. До конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.